

ИСТОЧНИКИ

УДК 94(=112.2)(47)(093)+929

Письма советских немцев-спецпоселенцев как исторический источник

Наталья М. Маркдорф,

доктор исторических наук, профессор.

E-mail: nmmark@mail.ru

ORCID 0000-0003-0442-8453

DOI 10.33466/2500-0063-2022-1(11)-91-101

В статье дан анализ писем, сохранившихся в материалах личных дел немцев-спецпоселенцев, иностранцев и лиц без гражданства, в агентурно-оперативных и следственных делах, а также ведомственной переписки, информационных материалов Отдела спецпоселений НКВД СССР. Всю исследованную корреспонденцию автор по форме изложения и по жанру делит на письма-ходатайства, просьбы, обращения в высшие партийные и государственные органы, к руководителям страны, в Отдел спецпоселений, в спецкомендатуры и другие инстанции. Выделяет письма-заявления и жалобы; коллективные и персональные пропагандистские воззвания; личную переписку с родными и близкими; письма-ходатайства о воссоединении со своими родными, проживающими в других районах СССР, в Германии и др. Реакцией на письма являлась служебная переписка центральных, региональных и местных органов, а их авторы подвергались дополнительной проверке. Поданные на имя руководителей страны заявления возвращались в местные органы МВД. Чаще всего ходатайства и просьбы заявителей отклонялись. Автор дает характеристику корреспонденции по форме изложения и по жанрам. Приводятся извлечения из писем спецпоселенцев, в ряде случаев они демонстрируют критическое мнение их авторов о существующих в стране порядках, ко политике государства в отношении российских немцев.

Ключевые слова: советские немцы-спецпоселенцы, спецпоселение, личные и следственные дела, ведомственная переписка.

Источниками, на основе которых написана эта статья, послужили: документы личных дел спецпоселенцев, иностранцев и лиц без гражданства, агентурно-оперативные и следственные дела, ведомственная переписка, информационные материалы Отдела спецпоселений, содержащие как сами письма, так и извлечения из писем спецпоселенцев.

Актуальность исследования данных документов обусловлена прежде всего тем, что письма спецпоселенцев несут на себе отпечаток общественно-политической атмосферы 1940–1950-х годов. Они обычно содержат ретроспективный взгляд на излагаемые события или представляют собой жизнеописание автора, его рассказ о событиях или близких людях. Ценность такого вида источников состоит также в том, что в текстах зачастую находят отражение отдельные детали и нюансы, они передают настроение, мысли авторов, фиксируют наиболее значимые факты из жизни, события, происходившие в обществе в этот период. К тому же труднодоступность для исследователей «свидетельств прошлого» делает этот вид источников поистине уникальным. Корреспон-

денция различается формой обращения в вышестоящие инстанции, отражает эмоциональный настрой, степень решительности их авторов в отстаивании своих прав.

По форме изложения и по жанру корреспонденцию спецпоселенцев можно условно разделить на следующие виды:

- письма-ходатайства, просьбы, обращения;
- письма-заявления;
- письма-жалобы;
- коллективные и персональные пропагандистские воззвания (например, в связи с выборами в Верховный Совет СССР);
- личная переписка с родными и близкими;
- письма о желании или отказе в воссоединении со своими родными, проживающими в СССР, Германии.

Письма-обращения, ходатайства направлялись в адрес руководителей Советского Союза (И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, В.М. Молотова, Л.П. Берии, Г.М. Маленкова, М.И. Калинина), в центральные органы ВКП(б), МГБ-МВД, Отдел спецпоселений НКВД СССР, спецкомендатуры, в местные органы НКВД-МВД и в другие инстанции. Корреспонденция содержала просьбы или требования разобраться в личном деле спецпоселенца и признать незаконность примененного наказания, о восстановлении их в гражданских правах, об изменении статуса и снятии ограничения в правовом положении спецпоселенцев, о воссоединении с семьей, розыске родных и близких. Письма отражали позитивные и негативные реакции людей на различные директивы советской власти, в частности содержали требования отменить запрет на участие в выборах.

Письма-обращения о личном освобождении и о снятии отметки «выселение» в паспорте, как правило, содержали следующие обоснования:

- а) незаконность и, следовательно, неправомерность направления на спецпоселение;
- б) личные заслуги автора письма (государственные награды, служба в Советской армии, участие в боевых действиях, фронтовые ранения, членство в ВКП(б) и ВЛКСМ, ударный труд и иные достижения);
- в) принадлежность к иной, не немецкой национальности;
- г) полученные увечья на производстве, инвалидность, нетрудоспособность, необходимость в долговременном лечении.

Например, немка Екатерина Г. просила снять с себя ограничения в гражданских правах и утверждала, что ее принадлежность к немецкой национальности не может являться основанием для нахождения на поселении: «<...> Я никакого преступления не совершала. Всю свою жизнь честно и добросовестно трудилась на благо любимой Родины. Моё положение убивает меня морально»¹.

В своем письме-жалобе на имя Председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова немка Клара Кляйн² с горечью и возмущением писала: «Дорогой Георгий Максимилианович! Обращаюсь к Вам с моей жалобой (просьбой) и заранее прошу у Вас прощения, что отвлекаю Вас от большой государственной работы со своим жизненно важным для меня вопросом. По окончании войны, в 1946 году я не спросив разрешения и этим по тому времени совершила противоправный поступок, поехала в свои края, где мои родные места, вследствие чего я теперь несу жестокое наказание, находясь далеко как ссыльная, оторвана от своих детей. Я старый человек (мне уже 60 лет), и в таком возрасте беспомощная, мне приходится быть оторванной от своих родных мест

и детей, от всего родного и любимого, от всего того, с чем я с малых лет сроднилась, думая прожить среди детей до конца жизни своей.

Но вот наше общее несчастье – война привела меня в такие отдаленные места нашей страны, в ссылку, где страдаю одна на старости лет, лишь только от того, что я по национальности немка. В чем моя вина? Почему я так наказана, не совершив ничего дурного против окружающего общества?

Я Вам не пишу подробно всей своей биографии. Вы о ней можете узнать из личного дела, и Вы можете судить насколько я виновата и в чем выражается преступление, совершенное мной, чтобы быть подвергнутой таким тяжелым испытаниям уже более 10 лет.

Все мои дети из-за национального признака также подвергнуты ограничениям и лишь только одна из дочерей по Вашему указанию освобождена со спецпоселения»³.

Другой спецпоселенец, обращаясь к партии и правительству, писал, что он гражданин СССР, «<...> родился и жил до войны в городе Ленинграде. Родители мои также уроженцы Ленинграда. После контузии в 1942 году я эвакуировался в Красноярский край, где честно трудился на рыбзаводе, который отправлял свою продукцию фронту. В 1943 году я вступил в Рыболовецкий колхоз, где был избран председателем ревизионной комиссии колхоза. В 1945 году женился на немке из Поволжья Ром Екатерине Яковлевне, имеем двоих детей. А в 1948 году как по национальности немец я был поставлен на спецучет. В 1950 году по болезни и по вызову я выехал в Кемеровскую область на шахту „Капитальная“. Мать моя и сестра на спецучете не состоят. Сестра проработала 10 лет на Уральском артополигоне. За время своей работы награждена медалью „За доблестный труд во время Великой Отечественной войны“. Зять ушел добровольцем в Уральский танковый корпус, за что также имеет правительственные награды.

Прошу Вас многоуважаемый тов. Г.М. Маленков, прошу Партию и Правительство помочь, выйти из этого положения, которое нависло над нами ни в чем не запятанными советскими людьми, как в дни Отечественной войны мы работали, помогали нашей Советской армии громить врагов. Прошу еще Партию и Правительство не отказать в моей большой просьбе разрешить жить в своем городе, где я родился и вырос, и работать на благо нашей любимой Родины»⁴.

К данной категории документов относятся письма о снятии с учета своих ближайших родственников. В основном это обращения детей спецпоселенцев, которые просили об освобождении своих отцов, матерей. Многие из них недоумевали по поводу того, что вина их родителей состоит только в том, что они немцы. Так, в письме пионерки Иры К-р к И.В. Сталину девочка просила «вождя народов» вернуть ей отца, свято веря в то, что такое ее заступничество поможет. Достаточно уведомить об этом всемогущего Сталина, который «не знает», что творится беззаконно и страдают невинные люди. «Дорогой Иосиф Виссарионович, поздравляю Вас с 70-летием со дня рождения и желаю здоровья и много лет жизни. Папочка пишет, что его ошибочно зачислили в спецпоселенцы, потому, что его папа был по национальности немцем. Но папочка нам говорил, что он его даже не помнит, а воспитывался у матери, которая живет с нами. Она, моя бабушка – еврейка.

<...> Мне так больно и обидно, что мой папочка жив и ему не разрешают с нами жить, а я вижу какие счастливые мои подруги, которые живут с отцами, а я такого счастья не имею, а как мне хочется жить с папочкой. <...> Я пионерка, учусь на отлично, имею три похвальные грамоты, и даю свое Пионерское слово, что и дальше буду учиться только на отлично», – написала в своем обращении к И.В. Сталину девочка, прося

¹ Цит. по: German A.A. Soviet state politics towards German minority in the first postwar decade (1945–1955) // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2018. № 4. С. 146.

² Все фамилии спецпоселенцев изменены. Письма приводятся с сохранением орфографии и пунктуации их авторов.

³ Архив Информационного центра Главного управления Министерства внутренних дел России по Кемеровской области (далее – Архив ИЦ ГУ МВД России по КО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1312. Л. 6.

⁴ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4567. Л. 5.

вернуть ей отца. На данное обращение очень скоро поступил ответ из городского отдела МВД, куда было передано ее письмо: «Сообщаем, что заявление девочки Иры К. нами рассмотрено и в выезде ее отцу в г. Ленинград нами отказано, т.к. в Ленинградской области ссылки нет»⁵.

Как правило, реакцией на письма являлась служебная переписка региональных органов на местах, а их авторы подвергались дополнительной проверке. Поданные на имя руководителей страны заявления возвращались в местные органы МВД. Спецпоселенцу сообщали (под его подпись), что его ходатайство рассмотрено, в просьбе об освобождении со спецпоселения, как правило, было отказано ввиду того, что оснований для освобождения «в настоящее время не предвидится»⁶.

Условием снятия режима спецпоселения могло послужить доказательство своего не немецкого происхождения. Письма-ходатайства об изменении национальности в паспорте с немецкой на русскую, украинскую, польскую, еврейскую и на этом основании – снятии со спецучета содержатся во многих личных делах. Непонимание своей «вины» вызвало протест против поражения в правах. «<...> Я ни одной секунды не чувствовал себя виновным, несмотря на то, что по национальности я немец. В нашей семье никто не говорит по-немецки, потому, что мы все время жили среди русских <...> Я от всего сердца горжусь, что родился и вырос в единственной в мире Стране Советов»⁷, – писал один из поселенцев в обращении к И.В. Сталину, ходатайствуя о своем освобождении.

К следующей группе документов относятся заявления, жалобы и ходатайства от детей спецпоселенцев в инстанции о снятии с них ограничений в гражданских правах, о предоставлении возможности учиться в средних и высших учебных заведениях, служить в Советской армии и даже поехать по комсомольской путевке на целину. Дети спецпоселенцев не призывались в ряды Советской армии, были лишены права выезжать за пределы мест поселений на учебу, лечение, каникулы, для участия в спортивных соревнованиях. В отделы УНКВД-УМВД поступало большое количество жалоб, просьб и ходатайств о снятии с них ограничений на выезд, на получение желаемой специальности. Например, в 1952 г. от спецпоселенцев в МВД СССР поступило более 70 тыс. жалоб и писем. Причем это количество из года в год возрастало. Так, в служебной записке, составленной министром внутренних дел СССР С.В. Кругловым на имя Г.М. Маленкова, констатировалось, что только за три месяца 1955 г. в МВД СССР поступило 41 070 писем, содержащих жалобы и заявления спецпоселенцев о снятии с них правовых ограничений⁸.

В 1992 г. в Архив Информационного центра ГУ МВД России по Кемеровской области по вопросу о реабилитации обратился бывший спецпоселенец А.А. Д-т. В своем обращении он написал: «...В 1954 году, уже здесь в Кемерово, я пошел в 10-й класс средней школы и от райвоенкомата поступил в Кемеровский аэроклуб. Так меня, как немца по национальности, комиссия не пропустила. Видимо испугалась, что я на самолете улечу в Германию. И я с расстройством бросил школу – 10-й класс и выучился на шофера – благо этого нам не запрещали. И отмечались мы в спецкомендатуре до осени 1956 года.

Это только сейчас, в последнее время к нам – немцам стали нормально относиться, как к нормальным людям, а то ведь в основном мы были фашистами, врагами, изгоями. Мы и язык то свой забыли, потеряли, все боялись, стеснялись разговаривать

на своем языке. Даже имя свое по прошествии многих лет я все-таки сменил с Адольфа на Аркадия. Ну что ж поделаешь, видимо судьба»⁹.

В письме шестнадцатилетнего подростка, находящегося на спецпоселении вместе с семьей, которое он поэтически озаглавил «Письмо с Дальнего Севера», отражена горечь правового статуса ни в чем не повинных людей. В частности, он писал: «Дорогой наш отец Климент Евфремович (я Вас так зову, т.к. Вы заменяете мне моего погибшего отца). Мой отец: Д-т Антон Яковлевич в 1941 году, как только началась Отечественная война, был мобилизован на фронт. В 1942 году, в апреле он погиб. Мы же ведь ничем не вредили, за что же это мы, дети, должны терпеть такие обиды. Когда мне исполнилось 16 лет, я, как и все, пошел получать паспорт, а дали мне какую-то бумажку – удостоверение, взамен паспорта. В настоящее время я учусь в 9 классе.

12 марта сего года я получил повестку на основании Закона о всеобщей воинской обязанности. Когда я пришел на прописку в Таймырский окружной военкомат, как мне было больно и обидно за то, что я не такой, как русские ребята. Их записывали и ставили на учет допризывников, а мне сказали, чтобы я пошел домой дальше учиться. Мы каждый день ходим отмечаться в комендатуру, как „враги народа“. Для того, чтобы сходить в школу, расположенную за 5 км от села Пшеничный Ручей в г. Дудинка, надо всегда отпрашиваться у коменданта, а он не всегда и отпустит, и еще подумает.

И тут я сразу же решил написать Вам письмо. Я никак не могу понять, в чем я повинен, почему я не имею права получить настоящий паспорт, почему я должен ходить на отметку в спецкомендатуру, почему нас не берут в армию, что же это мы ненадежные будем воины Красной Армии? Ведь мой отец погиб же на фронте, защищая свою родную Советскую Отчизну, свой народ, да нас, своих детей, мать-старушку и жену.

Прошу Вас, как Отца нашего, помочь нам»¹⁰.

В личных делах имеются письма родственников друг к другу, друзей и подруг. Корреспонденция передавалась через спецкомендатуры и поэтому сохранилась в личных делах спецпоселенцев.

В качестве примера приведем в авторской редакции одно из писем спецпоселенцев своим родным: «Добрый день или час, что вы делаете сейчас, бросай свое дело, бросай все и прочитай мое долгожданное письмо, которое вас очень обрадует. Здравствуйте дорогая сестра Мария с вашей семьей от твоего брата Ш-р Иосиф Петрович со своей семьей жена Мелита, дочеря Мария Тамара Эмма и Антон.

Дорогая сестра Мария долго мы тебя искали, но на конец дали нам, где вы проживаете, но адрес мы все равно не знаем, и придется писать в комендатуру. Дорогая сестра наш брат Александр мы знаем, где он находится. Он находится в Кемеровском. Адрес его вот кокой.

Кемеровская область. Город Кемерово. Шахта „Северная“. Ул. Нахимова, дом № 5. Пол. Ш-р Александр П.

Брат Павлик мы не знаем, где он находится. Может быть вы, что небусть знаете про его.

Здравствуйте дорогая моя хрѣсна Мария П. От вашей хрестницы Ш-р Марии Иосифовны. Я хочу вам собчить что мы еще все живы и здоровы. Мы живем пока ничего, но я нахожусь дома я живу в няньках. Теперь я свое письмо кончаю и вас крепко целую пока досвидание пиши скорее письмо. Это я писала Ш-р Мария Иосифовна. Писала Ш-р Тамара Иосифовна»¹¹.

⁹ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1344. Опубликовано: Ленинградские немцы на спецпоселении в Кемеровской области: 1940-е – 1950-е годы / Авт.-сост. Н.М. Маркдорф. СПб. : Нестор-История, 2017. С. 140.

¹⁰ 11 августа 1954 г. семья Д-т было разрешено переехать в Кемерово, где они были взяты на спецучет. См.: Ленинградские немцы на спецпоселении в Кемеровской области... С. 155.

¹¹ Письмо приведено в авторской редакции с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации документа. Опубликовано: Ленинградские немцы на спецпоселении в Кемеровской области... С. 160.

⁵ Цит. по материалам личного дела.

⁶ Цит. по: текст письма начальника отдела спецпоселений УМВД по Кемеровской области за 1954 г.

⁷ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1342. Л. 11–12.

⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 42.

Ряд писем немцев-спецпоселенцев, направленных своим родным, друзьям и знакомым, содержали негативную оценку проводимой в отношении спецпоселенцев политики Советского государства. В материалах оперативно-следственных дел сохранились извлечения из писем немцев-спецпоселенцев. Приведем лишь некоторые из них: «<...> Посмотрите, сколько у нас заключенных и почти у всех сроки по 25 лет. Чего хорошего может придумать такой человек кроме вреда – ничего, а таких людей как мы – немцы наберется 50 % от населения. И все эти люди страдают и ждут чего-то»; «...нас просто обманывают, строят такой рабочей силой, которая принуждена – это заключенные и мы – немцы. Здесь построено все так: один человек умер, ну и черт с ним, завтра 10 человек посадят, и будет опять дармовая рабочая сила»¹².

Но особенно резкие высказывания немцев-спецпоселенцев связаны с неоправдавшимися надеждами на освобождение со спецпоселения. Например, в мае 1950 г. от спецпоселенца Майера его родным было отправлено письмо, в котором он писал следующее: «Теперь навечно мы должны жить в Коми, так нас освободили, так нас пораскидали – один в Коми, другой в Хабаровске, а дети в тюрьмах. Так нам дали свободу и волю, как капусте под камнем. Теперь надо ожидать только „маму“, чтобы она нас всех соединила. Напишите, что есть у вас нового, хотя сейчас поговорим через письма. До какого времени так будет, не знаю, но говорят, что скоро этому придет конец. <...> Сколько можно терпеть эти унижения, когда же наступит тот день, когда нас отпустят отсюда по домам...»¹³

В многостраничных письмах-размышлениях их авторы задавали вопросы, на которые ответа со стороны органов государственной власти не получали. На каком основании немцев держат на спецучете, если обвинения в «преступлении» никто не предъявлял? Когда немцам возвратят их гражданские права и пересмотрят их дела? Люди ждали и искали справедливости, возврата к своим семьям, к своим родным местам. Так, в одном из многочисленных писем в различные партийные и государственные инстанции спецпоселенец Вессарт апеллировал к советской конституции, к советским законам, декларировавшим равные права всех народов его интернациональной родины. Обращаясь к В.М. Молотову, он писал, что обвинять человека, пренебрегать им только за его национальную принадлежность преступно. ВКП(б) должна нести ответственность за те преступления, которые совершаются по отношению к людям с введомой или без введомой ее руководителей. Вессарт требовал ответа на вопросы, почему рабочих увольняют только за их «нерусские, подозрительные» фамилии и когда же восторжествует справедливость.

«Что это? Средневековье? – писал он. – С той лишь разницей, что у нас в стране лишают свободы своих, ни в чем не повинных перед государством людей, отправляют в забой на пожизненную каторгу. <...> Рожденных, возвращенных, воспитанных в СССР „нацменов“, у которых нет и не было другой Родины, нет и не было понятия о другом государстве, многие из которых часто жертвовали своей жизнью, кровью, защищая ее, ее завоевания, имеют ордена. Не только так называемых „нацменов“, но и чисто русских ставят в наихудшие условия. Здесь на поселении господствуют давно забытые в советском государстве понятия: „рабский труд“, „тирания“, „барственность“. Здесь царят безысходность, отчаяние и потеря всякой надежды на жизнь <...> Я не немец, у меня только фамилия немецкая, я не раб! <...> В наш ли век, насыщенный идеями Марксизма, Ленинизма, в нашей ли интернациональной стране, творить такие вещи, развигивать ненависть рабочего к рабочему, русского к немцу, финну, карелу, гражданину к гражданину, на почве различия крови, национальной розни? <...>

Спецпоселенцы – люди из зоны, рабочих колонн... Но ведь все зоны и колонии – стыд не тех, кто в них! Они не виноваты в том, что когда родились, их мать и отец были „подозрительной“ национальности. Они бессильны перед государством, как и любой человек, который лишен всего, оскорблен, незаслуженно обвинен, унижен. И кем? Родным государством, родной властью, за которую они воевали, за которую воевали и отстаивали в боях советскую власть их родители и деды! Это свои, советские люди, которых надо беречь, хотя бы как рабочую силу. <...> Мне, начавшему трудовую деятельность с 8 лет, учебу с 7 лет, знакомому с „Записками революционера“, трудами Кропоткина и Толстого, с „Энциклопедией логики“ Гегеля в 20 лет, прочитавшего „Историю развития русской общественной мысли России“ Плеханова, штудирующему от корки до корки „Капитал“ Маркса, „Диалектику природы“, „Анти Дюринга“ Энгельса, имеющему настольные произведения Ленина, Белинского, Сталина, быть молчаливым свидетелем кошмара не простительно и тяжело без меры. Быть русским и числиться насильственно немцем убийственно! Родиться, воспитываться, прожить 32 года русским, попасть в немцы, не зная ни слова по-немецки, терпеть неслыханные издевательства, тяжело». Заканчивая свои размышления на 22 страницах, автор констатирует: «Наше социальное учение рассматривает национальную принадлежность, как основание к принуждению и насилию! Изведенный морально и физически, я получаю срок. За что? За жадность права на труд... В советской ли это законности? Гармонизирует ли это с нашей Конституцией?.. Я желаю быть последним заключенным. Я желаю, чтобы всем лишенным гражданских прав никогда не слышать, что „Конституция на вас не распространяется!“»¹⁴.

Немалый интерес представляют собой письма по розыску родных, письма-заявления с просьбой о воссоединении семей, с близкими родственниками. Эти письма также передавались через комендатуры. В них сообщались сведения о семьях, роде занятий, а также о тех лицах, местожительство которых уже удалось установить.

Для наведения справок-запросов по почте об адресах граждан, проживающих в городах или районных центрах СССР, заполнялись адресные почтовые карточки, направляемые в адресные бюро (столы). Правда, о проживающих вне городов и районных центров справки получить было затруднительно. Карточка состояла из двух частей, отделенных друг от друга линией перегиба. Первая часть предназначалась для запроса в адресное бюро, райотдел милиции, вторая – для ответа последнего¹⁵. Люди искали друг друга, пытались сохранить родственные связи. Многим это давало силы и дополнительную поддержку в тех нелегких обстоятельствах, в которых они оказались.

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время многие семьи спецпоселенцев были разъединены в основном по причине мобилизации в трудо-

¹⁴ Письмо автором было написано в июле 1946 г. и представляет собой своеобразное литературное произведение, полностью сохранившееся в личном деле. Как свидетельствуют материалы личного дела спецпоселенца, он был осужден «за побег», которого не совершал. На следствии дело сводилось к попытке обвинения его за данное письмо, отосланное в Москву. Впоследствии в начале 1947 г. он добился отмены приговора. Документы о восстановлении национальной принадлежности были приняты к рассмотрению. В январе 1947 г. было доказано «русское» происхождение Вессарта, на основании чего в МГБ по Кемеровской области было принято решение о его освобождении. Однако со спецучета Вессарт был снят только в феврале 1953 г. Причиной длительной задержки исполнения решения об освобождении стала попытка спецпоселенца во что бы то ни стало доказать свои права в многочисленных письмах, которые зачастую носили обвинительный характер, в адрес Прокуратуры СССР, Верховного Совета СССР, В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, ЦК ВКП(б), Совета национальностей СССР. В период с 1946 по 1953 г. за антисоветские высказывания Вессарт дважды был осужден на 12 месяцев принудительных работ. Но к 1953 г. органами НКВД г. Осинники он был оправдан. Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 14 567. Л. 12–64.

¹⁵ Стоимость почтового отправления составляла 60 коп. простым письмом или 90 коп. – заказным. Адресные почтовые карточки позволяли определить место проживания до выселения спецпоселенца, найти родственников.

¹² ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 67.

¹³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 896. Л. 68.

вую армию. Воссоединение с членами семьи, оказавшимися на спецпоселении в разных регионах СССР, – матерью, отцом, братьями, сестрами и другими родственниками – начиналось с обращения и запросов об установлении их местонахождения. Затем необходимо было получить согласие человека, к которому собирались переселиться члены его семьи. Далее следовало рассмотрение ходатайства органами НКВД-МВД, всесторонне изучалась сама личность (в частности, представлялась характеристика с места работы, собирались агентурные донесения), и определялась степень родства.

В ходатайстве о воссоединении с родными мог поступить отказ. Однако не все соглашались с таким исходом дела. Об этом свидетельствуют последующие обращения в вышестоящие инстанции, в Москву, в Кремль, лично к И.В. Сталину и к другим руководителям страны. Причем после получения официального отказа некоторые немцы письма отправляли регулярно. Получали очередной отказ и вновь брались за перо. Как правило, такая переписка должного результата не имела и могла существенно осложнить положение самого спецпоселенца.

В информационных материалах Отдела спецпоселений сохранилась переписка по розыску детей, оказавшихся в детских домах Кемеровской области в 1940-е годы. Они до 1940 г. проживали на территории Бессарабии, что было установлено Отделом спецпоселений и показаниями самих детей¹⁶. В декабре 1945 г. на спецпоселение в г. Юргу из проверочно-фильтрационного лагеря (ПФЛ) Брест-Литовска были завезены 480 немцев, в основном стариков, женщин и детей. Все они являлись уроженцами немецких колоний Фриденсталь, Тарутино, Париж (Аккерманский район, Бессарабия). Судьба этих людей была трагична. В 1940 г. из родных мест они были вывезены немцами в Польшу, а затем через ПФЛ попали на спецпоселение в СССР. Часть переселенцев была больна сыпным тифом, сразу по прибытии в Кузбасс умерло 89 чел. Оставшиеся сиротами 28 детей в апреле 1946 г. были переданы в приемник-распределитель, а впоследствии – в детские дома.

В июне 1946 г. часть брест-литовского этапа через Франкфурт-на-Одере (лагерь № 69) была отправлена в Германию на основании распоряжения Отдела спецпоселений. В феврале 1950 г. с запросом в сектор детских домов обратилась Анна Лутц, которая разыскивала своего брата и других известных ей детей из Бессарабии. Заведующая сектором детских домов облоно сообщила в Людвигсбург, что в детских домах Кемеровской области есть дети бессарабских немцев; это послужило поводом для последующих обращений родственников, пожелавших найти и вывезти детей в Германию. Переписка между различными государственными и партийными ведомствами и учреж-

дениями СССР, Германии, Великобритании, Франции шла на протяжении многих лет. Письма родственников направлялись через Отдел виз и регистрации (ОВИР) ГУМ МГБ СССР, УМГБ по Кемеровской области, Отдел спецпоселений НКВД СССР.

В этой дипломатической борьбе в 1950-е годы не удалось достичь значимых результатов, однако родственники в Германии получили право на личную переписку с оставшимися в Советском Союзе своими близкими.

К тому времени, когда детей стали разыскивать проживающие в Германии их близкие родственники, большинству исполнилось 16 лет, они получили советские паспорта, закончили школу или училища, имели рабочие специальности, трудились на предприятиях или в колхозах. Многие из них находились на спецпоселении. В 1953–1954 гг. все 11 претендентов на выезд высказались за скорейший отъезд на Родину. Однако вскоре под определенным нажимом трое отказались покинуть СССР. Так, в письме на имя начальника УМВД по Кемеровской области Пауль К. писал: «...я отказываюсь ехать на Родину. Я желаю, чтобы у меня был только русский паспорт, так как я воспитывался в детском доме с 8 лет и до 15 лет. Я отказываюсь, потому, что мать свою я не знаю. Просьба не отказать в моей просьбе и оставить меня в СССР»¹⁷.

С большим упорством люди пытались добиться воссоединения со своими семьями. В мае 1955 г. от советской гражданки Герле Гетвиг было направлено письмо на имя В.М. Молотова. В своем заявлении она писала: «В дни освобождения Германии от фашизма Советской армией, я – девяти лет, брат и мать были эвакуированы в 1945 году из Кунты в город Юрга. <...> В 1954 г. в марте месяце я получила письмо от дяди Отто Ройле, проживающего в Цах возле Кетцин, уезда Наун, ГДР, который после окончания войны с фашизмом ходатайствовал перед Министерством иностранных дел ГДР установить мое местонахождение, что дало мне возможность иметь переписку. После больших переживаний, принесенных войной, я потеряла родственников, мать, брата. Теперь, когда меня нашли родственники, мне хочется вернуться на родину, заниматься мирным, созидательным трудом на благо мира.

Дорогой Вячеслав Михайлович, убедительно прошу Вас разрешить мне вернуться на родину и дать разрешение на выезд МВД г. Сталинска Кемеровской области. Я сердечно благодарю партию и правительство за отеческую заботу и мое воспитание в Советском Союзе»¹⁸. Однако на это письмо ответа не последовало, и Гетвиг вновь обратилась с письмом в секретариат Министерства иностранных дел СССР с настойчивой просьбой сообщить ей о принятом решении. И только в конце 1955 г. ей удалось выехать в ГДР.

В государственные органы СССР от спецпоселенцев шел внушительный поток писем, в которых люди пытались отстоять свои права, просили снять их с унижительного учета спецпоселения. Борьба за освобождение могла обернуться новым наказанием, осуждением, арестом, принудительными работами. Письма поселенцев возвращались в местные УМВД, «подшивались» к иным документам в их личных делах.

Письма немцев-спецпоселенцев – это уникальные документы по своей информативности, на основании изучения которых возможно более детально исследовать судьбы российских немцев. Письма являются очень ценным и в то же время сложным источником по характеру как восприятия, так и отражения действительности их авторами. Они позволяют получить ценную информацию, которую не фиксируют официальные документы. Из писем мы узнаем о судьбах людей, о тех проблемах, которые волновали советских немцев, особенностях их быта, взаимоотношениях с местным населением, с органами государственной власти.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 55. Л. 233–235.

¹⁸ Архив ИЦ ГУ МВД России по КО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 4561. Л. 13.

¹⁶ Все жители Бессарабии немецкой национальности не являлись советскими гражданами. До 1918 г. они были подданными старой России, затем – Румынии. На основании их пожеланий и в соответствии с советско-германским соглашением 1940 г. они были признаны гражданами Германии и эвакуированы накануне вхождения Красной армии в Бессарабию (июнь 1940 г.) германскими властями из Бессарабии в регион Вартегау (часть территории оккупированной Польши, прилегающая к Германии). В послевоенные годы эти граждане были незаконно и принудительно репатриированы в СССР. Их требование возвращения в Германию к родственникам было законным, но советскими компетентными органами игнорировалось. Наличие в СССР таких незаконных «репатриантов» тщательно скрывалось, особенно после нормализации отношений с ФРГ. Однако на Западе знали о нахождении в СССР такой категории германских граждан и требовали их возвращения на родину. Чтобы не попасть в неловкое положение, советское правительство 31 октября 1955 г. приняло секретное постановление «О порядке репатриации и эвакуации из Советского Союза некоторых категорий граждан». Постановление предписывало в кратчайшие сроки выявить незаконно вывезенных в ходе репатриации из Германии в СССР лиц с германским гражданством, никогда не проживавших на территории СССР, и тайно репатриировать их в Германскую Демократическую Республику, что и было сделано в декабре 1955 – январе 1956 г. Среди вывезенных в ГДР оказалось около 100 чел., родившихся в Германии, свыше 450 – в Бессарабии и Северной Буковине, 130 – на Волыни, 50 – в Прибалтике. Подробнее см.: Герман А.А. Незаконные «репатрианты» и их тайное возвращение в ГДР // Власть и общество в условиях диктатуры: исторический опыт СССР и ГДР. 1945–1965. Архангельск, 2009. С. 129–136.

Сведения об авторе

Маркдорф, Наталья Михайловна, директор Научно-образовательного центра «Историко-политических и социокультурных процессов глобального и регионального развития» Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Новосибирск, Россия.

REFERENCES

1. *Berdinskikh V., Berdinskikh I., Veremyev V.* Sistema spetsposeleniy v sovetskom Soyuze 1930-kh – 1950-kh godov [The system of special settlements in the Soviet Union in the 1930s-1950s.]. Moscow: ROSSPEN publ., 2017, 503 p. (in Russ.).
2. *German A.A.* [Illegal "repatriates" and their secret return to the GDR]. Vlasty i obshchestvo v usloviyakh diktatury: Istoricheskiy opyt SSSR i GDR. 1945–1965 [Power and society in a dictatorship: historical experience of the USSR and the GDR. 1945–1965]. Arkhangelsk: PomorSU publ., 2009, pp. 129–136. (in Russ.).
3. *German A.A.* [Germans of the USSR in the special settlement] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya, Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of Saratov State University. New serie. Series History, International Relations], 2014, vol. 14, issue 2, pp. 39–47. (in Russ.).
4. *German A.A.* Soviet state politics towards German minority in the first postwar decade (1945–1955) // Yezhegodnik Mezhdunarodnoy assotsiatsii issledovateley istorii i kulytury rossiyskikh nemtsev [Yearbook of the International Association of Researchers in the History and Culture of Russian Germans], 2018, no. 4, pp. 143–149. (in English).
5. *Zemskov V.N.* Spetsposelentsy v SSSR [Special settlers in the USSR]. Moscow: Nauka publ., 2003, 304 p. (in Russ.).

Letters of Soviet German Special Settlers as a Historical Source

Natalia M. Markdorf,

Doctor of History, Professor.

E-mail: nmmark@mail.ru

ORCID 0000-0003-0442-8453

DOI 10.33466/2500-0063-2022-1(11)-91-101

The article analyzes the letters of the Germans-special settlers, preserved in the materials of personal files, personal files on foreigners and stateless persons, intelligence and operational and investigative files, departmental correspondence, and information material of the Department of Special Settlements of the NKVD of the USSR. According to the form of presentation and genre, the author divides all the studied correspondence into letters of petition, requests, and appeals to the highest party and state bodies to the country's top leaders, to the department of special settlements, to special commandant's offices and other instances; letters of application and complaint; collective and personal propaganda appeals; personal correspondence with family and friends; letters of petition for reunification with their relatives living in other regions of the USSR, Germany, etc. The response to the letters was the official correspondence of the central, regional and local authorities in the field, and their authors were subjected to additional verification. Applications addressed to the leaders of the country were returned to the local bodies of the Ministry of Internal Affairs. Most often, applications and requests of applicants were rejected. The author characterizes the correspondence in terms of the form of presentation and genres; extracts from the letters of special settlers are given; in some cases, they demonstrate the critical attitude of their authors to the existing order in the country and to the state policy towards the Russian Germans.

Keywords: Soviet Germans-special settlers, special settlement, personal and investigative files, departmental correspondence.

Information about author

Markdorf Natalya Mikhaylovna, Director of the Scientific and Educational Center "Historical, Political and Socio-Cultural Processes, Global and Regional Development" of the Siberian Institute of Management, a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, Russia.

Briefe sowjetdeutscher Sondersiedler als historische Quelle

Natal'ja M. Markdorf

Dr. sc. hist., Professorin,

E-Mail: nmmark@mail.ru

ORCID 0000-0003-0442-8453

DOI 10.33466/2500-0063-2022-1(11)-91-101

In dem Artikel werden Briefe aus Personalakten sowie aus Geheimdienst- und Untersuchungsakten von deutschen Sondersiedlern, Ausländern und Staatenlosen analysiert, ebenso wie der Briefwechsel mit Behörden und Informationsmaterial der Abteilung Sondersiedlungen beim NKWD der UdSSR. Die Autorin gliedert die gesamte untersuchte Korrespondenz nach Darstellungsform und Genre in Gesuche, Bitten und Appelle an die höchsten Instanzen in Partei und Staat sowie an führende Persönlichkeiten des Landes, an die Abteilung Sondersiedlungen, an Sonderkommandanturen und andere Institutionen. Es gibt Briefe mit Anträgen und Beschwerden, propagandistische Aufrufe von Kollektiven und Einzelpersonen, private Briefwechsel mit Familienangehörigen und Verwandten, Anträge auf Familienzusammenführung mit Verwandten, die in anderen Regionen der UdSSR, in Deutschland oder anderswo lebten. Den Briefen folgte in der Regel ein dienstlicher Briefwechsel zwischen zentralen, regionalen und örtlichen Instanzen, und die Briefeschreiber wurden einer zusätzlichen Überprüfung unterzogen. An führende Persönlichkeiten des Landes gerichtete Anträge wurden an die örtlichen Organe des Inneren zurückgeschickt. Normalerweise wurden die Anträge und Bewerbungen der Antragsteller abgelehnt. Die Autorin bewertet die Korrespondenz nach Form und Genre. Es werden Auszüge aus Briefen von Sondersiedlern zitiert, in einigen Fällen gibt es dabei kritische Meinungen der Verfasser zur bestehenden Ordnung im Land und zur Politik des Staates gegenüber den Russlanddeutschen.

Schlüsselwörter: Sowjetdeutsche Sondersiedler, Sondersiedlung, Personal- und Untersuchungsakten, behördliche Korrespondenz

Über die Autorin

Markdorf, Natal'ja Michajlovna; Direktorin des Wissenschafts- und Bildungszentrums „Historisch-politische und soziokulturelle Prozesse der globalen und regionalen Entwicklung“ am Sibirischen Verwaltungsinstitut – Zweigstelle der Russischen Akademie für Volkswirtschaft und Öffentlichen Dienst beim Präsidenten der Russischen Föderation, Novosibirsk, Russland.